

Это должно быть страшно, как как
думается, что хватало еще куда-
нибудь.

Порой было слышано левых ручек,
живой, что больше всего всегда
безлеп раны в живом; Не один
раз на глазах кончалась товарищу
участно мучаясь, подметенные дуги
или оскотом в живом. И не
один раз товарищи по оранию про-
шли, эти бы пристрелили их
малости — «братиска, пристрели
раги бела!...»

Ну, живой оказался цел! Порой-
ком успокоился и мысли кажутся
работать с нормальное скоростью.
Так закончилась около шести
часов вечера 5 февраля тиска,
давай-ка сорак второго года
моя была действительность.

Было это затрону километром ко-
оп старая русса, среди болот и лесов
занесеных гурбоком снегом.

VIII

... И где мне смерть пошлет судь-
бина?

В бою ли, в странствии, в болотах?
(Публику «брожу ли я в бурю улик»)

Сгорела прожору шараб ный-десять,
но потом падало — в ноге нестерпима
боль. Полти не могу — мешаю бол-
танасасе ружка.

Бршу немоща прорвавшихся в лес
байнов помог мне. Но все без оглу-
ки мгает в гуще леса: рдом все
еще ругает минь.

Подходит командир роты. Указат-
ливо спрашивает, куда раны?»

Бршу его вглубь мою снайперскую
винтовку (автомат забросил в
смер), но он делает больше — помо-
гает мне идти. Обнимает его левос
рукас за плечи и физически. Метров
через 100-150 возвращается Самка
Сейникова, которая сразу же се-
рется гостивших меня госпит-роты.